

скра Божья есть, но нет всего остального. А одной искры категорически недостаточно.

Окончание. Начало на с. 13

– Андрей Борисович! По агентурным данным, вы когда-то суперпрофессионально танцевали рок-н-ролл?

– Я ребёнок голодных военных лет, вырос таким худеньким заморышем. И мне попался чудовищный учитель по физкультуре, который окончательно отвратил меня от всякого движения. Прыжки через козла и всё прочее, кроме зоологического страха, у меня ничего не вызвали, и где-то к десятому классу я был безысходно худеньким. Грудная клетка, на вдохе, – девяносто четыре сантиметра. Дистрофик, но единственное, что меня всегда интересовало, – это танцующие люди. Я всегда мечтал научиться танцевать, но потом случился момент позора, когда девушка, в которую я был влюблён (я был в девятом классе, а она в десятом), пригласила меня на "белый танец", и я почувствовал свою какую-то трагическую скукоженность. Правда, у меня было своё, оказавшееся верным, объяснение: то была эпоха не моей музыки. И вдруг эпоха рок-н-ролла! Я же человек из Львова, у границы стояли американские радиостанции. И потом, когда я приехал в Москву на молодёжный фестиваль, то танцевал с американскими неграми и ухайдокивал их совершенно спокойно.

– Рок-н-ролл, однако, тоже регламентированный танец...

– Но, знаете, я сразу почувствовал – это моё. Тем более это было ещё свежим полем. Этим танцам надо было как-то учиться, и постепенно начало что-то возникать, простите за каламбур, вытанцовываться. Потом я стал ходить на концерты, но даже не концерты, а на вечера полуподпольных львовских джазовых групп. Был такой Игорь Хома, впервые попавший на фестиваль в Тарту, один из наших первых фестивалей пятьдесят шестого-седьмого года. А я начал джаз танцевать! Но это был не танец, а как бы самостоятельный инструмент, то есть я выходил на площадку и вёл свою сольную партию. Тогда я и понял, что для меня свобода проявления – самый существенный фактор. Я плохо себя чувствую, когда "шаг вперёд, поворот направо, а теперь – наклон"...

– Вообще-то вы рисковали со своими танцами...

– Во Львове на танцплощадках были, но у меня был настоящий азарт, как у игрока в русскую рулетку: ходил на чужие танцплощадки и начинал танцевать раньше, чем побьют. Потому что, если я уже начинал – все площадки любили королей! – уже некуда было деваться.

– То есть в нерегламентированном танце и заключена часть вашей личности?

– Очевидно, да. Но должен сказать, что мне довольно долго все пытались доказать, что основным, венчающим предметом, формирующим пластику актёра, является танец. Сценодвижение – такая разминочка, а вот формирует пластическую культуру актёра только танец. Однако я считаю, что если так, то тогда театр не является самостоятельным видом искусства. Но он вроде бы самостоятельный вид искусства, и у него должна быть своя тренинговая система. И это не танец, а сценическая пластика, в рамках которой создаётся форма жеста, которую ты или чувствуешь, или не чувствуешь. Некий действенный каркас, внутри которого актёр и может жить.

– Сценическое движение появ-

физкультуры, при всём её дебилизме, все должны были сдавать ГТО и получать значки. Дикое количество спортивных секций. А в Москве пару лет назад был зарегистрирован первый случай смерти от инсульта восьмилетнего ребёнка! Он переиграл в компьютерные игры! Я считаю, что поколение, которое создало секс по телефону и секс по Интернету, обречено. Оно потеряло телесность! Мы перемещаемся в виртуальную реальность.

– Это не пустые слова? Это настоящая угроза?

– Это не пустые слова. Мы не пользуемся нашим телом и постепенно его ведём к атрофии. Если оставить на два-три года дверь, а потом попробовать её открыть, то раздастся жуткий скрип. Но там всего две трущиеся поверхности, а тело – это мышцы, связки, внутренние органы, кровеносные

тать ослиной челюстью, чтобы уделывать сто тысяч человек! Каторжный труд, да ещё при условии, что враги будут просто подставлять головы. В Африке до сих пор есть племя, которое охотится по первобытному способу, то есть выходит на тропинку, видит травоядное животное, и все бегут за ним, пока животное не рухнет от истощения, потом взваливают на себя и тащат на стойбище. А у нас тут в двухэтажных домах строят лифты!

– Вы говорили про виртуальный секс...

– Но про него говорить совершенно неинтересно...

– Хорошо, давайте вновь вспомним человека пятьдесят шестого года. Вы можете вычленив характерное движение того времени и времени нынешнего? Вот там человек в кепке, в клешах с папироской...

– В них было больше первобытной, невыученной грациозности. Пластических корпусов они, конечно, не кончали, но пластичность была. Человек постоянно пользовался телом. Это была эпоха, когда каждый собирал свою пластическую культуру: из своей работы, из игр, из занятий физкультурой, из танцев. А теперь никто не танцует, приходят тусоваться. И то, что они называют танцами, – это катастрофа. Полудебильная раскачка или тряска. Пластика нынешнего поколения олигофренична. Естественно, есть и танцующие, и двигающиеся ребята, но мы говорим о среднем уровне. И потом сейчас, после гигантского перерыва, тональность задает блатняк. Мода на урок, на их речевые и пластические приёмы. И это в конечном счёте сказывается и на моих студентах.

– Но они-то не, простите, урки!

– Нет, Боже упаси, нет! Но у меня уже было несколько студентов, о которых складывается впечатление, будто они никогда в жизни ничем, что связано с движением, не занимались: ни физкультурой, ни танцами, ничем. Да, так и есть, говорят они мне с чистым сердцем.

– Кто же их принимает?

– Те, кто принимает, сидят и говорят: вы знаете, в нём что-то есть. Да, есть лёгкая паранойя или шизофрения. Их странная странность носит скорее психический характер. Или – есть искра Божья, но нет всего остального. А одной искры категорически недостаточно.

– То есть актёр – это не только талант?

– Нет, сто раз нет! Это профессия! Это умения! Это владение своим телом! Сейчас приходят студенты, у которых разрушены внутренние координационные механизмы. Это просто клиника, это надо лечить.

Это не танец,
а сценическая пластика.

ляется в театре как бы из неоткуда. Вот пьеса про сталеваров. Они должны по-сталеваровски двигаться... Движение зависит от профессии, от времени. С того времени, когда вы были королём танца, изменилось движение человека с улицы?

– Сорок с лишним лет назад гораздо более высокий процент населения был пластически свободней, раскованней и ярче в своих экспрессивных возможностях, несмотря на всю тяжесть нашей жизни. Гигантская часть населения была ещё занята в сельском хозяйстве. Основные формы отдыха и особенно детского времяпрепровождения были очень активны. Игра в Тарзана. Я лазил по деревьям, как кошка. Но я был такой не один! Все бегали, играли в прятки, догонялки, партизаны, казаки-разбойники, лазили по трубам, по чердакам. Всё-таки был какой-то культ массовой

сосуды – и из-под всего этого выбита жизнь. Мы выбиваем жизнь из всех сфер. Сказано было "в поте лица будешь добывать хлеб свой", но какой там пот лица? Если только в офисе слишком высокая температура. Большая часть человечества сейчас производит не хлеб, а бумажки. Не востребована и мелкая ручная ловкость. Сидит человек и пальчиками шевелит по клавиатуре или скрипит пером.

– Продолжение рода также стало почти виртуальным?

– Да, борьба за самку, за выживание, за территорию стала уже если не виртуальной, то дистантной точно. Дубина, лук, арбалет, потом – нажал на курок и полетела пуля, а потом полковник Тиббетс нажимает кнопку, и сто тысяч человек исчезают, превращаются в тень.

– А в Библии ослиной челюстью орудовал Самсон!

– Прикиньте, сколько нужно рабо-